

ПОКОЙ И НЕ СНИТСЯ...

Природа, Род, Провидение, Судьба вручили богатые дары некому нашему современнику: Сергею Анатольевичу Сокурову. Он поэт, писатель, геолог, художник, общественный деятель.

Карпатские горы и карпатский край стали на время родным домом Сергея Анатольевича. Почему на время? Потому что Судьба, кроме иных даров, дала ему в награду и мятежный дух. Оставил геологию, занялся наш герой общественной деятельностью во Львове, где создал и возглавил Русский центр и неустанным защищал русские ценности в недавнее сложное для края время... Не прекращал писать и публиковаться. Издал более двадцати книг и продолжает успешно печататься.

Сергей Сокуров удостоился высших премий главных издательств, награжден Серебрянной медалью Международного Пушкинского Фонда "Классика" и иными знаками отличия. В Инете дана прекрасная статья о нем.

В разделе "Творчество" нашей газеты мы поместили два рассказа Сергея Сокурова, а сейчас и еще один. Тема в них одна - Карпаты. Природа у автора - говорящая. Такое впечатление, что он не описывает ее, а цитирует, вспоминая разговоры с ней. Говорящее Пространство, говорящая Природа, чьи голоса он ясно слышит. Кроме того, эти рассказы дают нам представление о динамичной личности автора - он должен находиться в движении постоянно: идти, ехать, покидать одно место, чтобы попасть в другое, но только не застыть в покое, который ему вряд ли и снится.

Внутренний природный механизм, тот самый дар Судьбы, неостановимо движет им, завлекая в невидимые неподобные дали, куда всенепременно надо попасть, открыть все сущие тайны, насладиться красотой и красотой момента и устремиться к новым.

Автор и его герои - мятежные души, которым покой в тягость. Примерно, как у Лермонтова: "...как будто в буре есть покой." Не всем, наверное, понятно, что именно в буре и таится покой, который взрывается бурей от утомительной статики, и что именно тогда прикасается к тайне бытия и смерти.. Ощущение оставшегося живым в центре взрыва солдата...

Вот, герой повести "Остров Санарова" приобретает вожделенный остров в единоличное пользование, убегает от мира сего, обустраивает свое жилище по собственному вкусу и желанию. Казалось бы, живи и радуйся - свобода. Но... Остров - это остановка, статика, капкан для мятежника... Нет, нет - это скучно, герой обездвижен, а это против его Природы, и посему надо бежать дальше... И убегает Санаров в болезнь и с острова... Но остров был только в фантазии...

И стремятся герои Сокурова (а, может, сам автор?), повинувь своей мятежности, к следующей буре, потрясению, тайнам, движению в этом мире, который, да, не стоит на месте, тоже движется, но медленно... Да и не в ту сторону...

Наталия ГАТТАС

Введение

Между прозаическим произведением «Каменное море» и поэтическим эпосом «Воспоминание о Каменном море» расстояние в 50 лет. Половек! Первое сочинение стало входным билетом для меня, как автора, в большую литературу. Последняя песнь - это занесённый ветром в окно кабинета багряный лист моей поздней осени, на котором яставил свой автограф - один из последних.

Каменное море

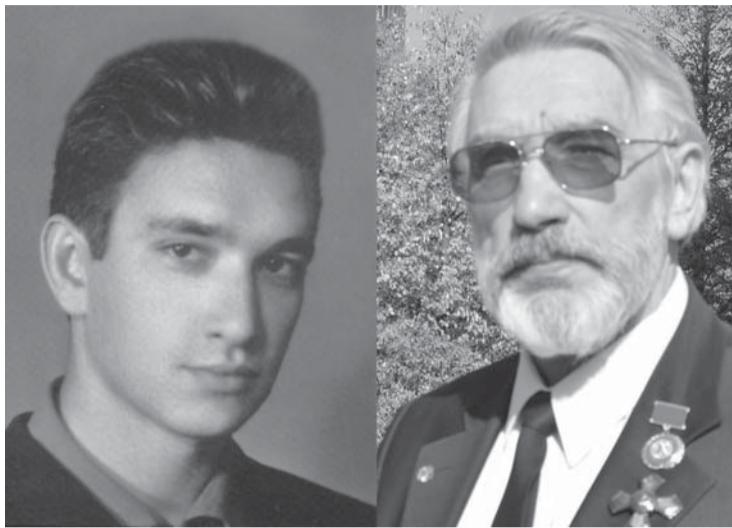
Раннее утро, туманное и прохладное. Газик подбрасывает меня к широкому входу в долину, которую предстоит обследовать за день. В последний раз проверяю полевую сумку. Никитич, шофер геологопоисковой партии, протягивает молоток на длинной ручке.

- До вечера.

...Я остаюсь один на один с горами. С выездом мы потерпелись. В тумане можно не заметить выходов на поверхность коренных пород, на охоту за которыми я отправлялся почти ежедневно. Чтобы не ждать, пока рассеется туман, решено под-

Сергей СОКУРОВ

ОСЕННИЙ ЛИСТ ВОСПОМИНАНИЙ

няться к верховьям горного потока и уже оттуда, сверху - вниз начать обследование долины.

Первая сотня шагов - и долина принимает меня в свои широко раскрытые ладони. Туман стелется чуть выше трав. Бреду по нему, как по мелководью. Ближние вершины, словно верблюжи горы, плывут, кацаются над подвижным разливом холодного пара. Где-то слева шевелится невидимая Лючка, скребет галькой о каменистое ложе.

Но вот лес на востоке светлеет. Тесный строй сосен расступается, процеживая расплавленное золото. Солнце срывает ватный покров тумана, рвет его на клочья и рассеивает по горам.

В этот ранний час в лучах низкого солнца каждая травинка, каждый лист на кустах орешника, причудливые линии хребтов четки, точно на старинной гравюре. Тропически ярка влажная от росы зелень. Пряно пахнет прелым листом. Все невидимое, что живет в Карпатском лесу, пробует свои голоса на разные лады - стрекочет, посвистывает, ухает, щебечет, дробно барабанит, но сдержанно, всплыли, будто боится нарушить покой гор.

Змеиная спина тропы едва заметна в разнотравье. Виляя из стороны в сторону, она все время норовит выскользнуть из-под моих ног. В конце концов ей удается обхитрить меня: спряталась под грудой щебня да так и осталась там. Видимо, скучно ей стало от однообразной игры или притомилась поплати все время вверх.

И я останавливаюсь, чтобы перевести дух перед последним рывком. Здесь дно долины круто вздымается, склоны ее устремляются навстречу друг другу и, смыкаясь, образуют полурукавие-амфитеатр. Войти в него непросто: впереди ежевичник, расление злое. Как колючая проволока. Тонкие и гибкие стебли, усеянные шипами, цепляются за одежду, режут руки. Старая вырубка кажется бесконечной, а неподъемный дух гор изобретает новое препятствие. Глыбы песчаника, рябые и замшелые, похожие на немых языческих идолов, встают на пути плотными рядами.

Взираясь наконец на водораздел - равную возвышенную площадку, охватывающую подковой верхнюю Лючку. Вокруг топлятся сосны. Старые, надменные. Далеко внизу блестит Лючка. Курдявится орешник. Мир двухцветен: зеленое и синее. Синего больше.

Некоторые утверждают, что в семье горных сооружений нашей планеты Карпаты чуть ли не самые посредственные. Не могу с этим согласиться. Карпаты, конечно, горы скромные. Нет в их облике ни величия Памира, ни суровости Кавказа, ни декоративной дикости крымских скал. Но посмотрите: горные хребты встают один за другим бесконечными цепями. Разве не гигантские волны фантастического каменного моря застыли в стремительном беге из вечности в вечность? Первый вал тяжелый, густо-синий. За ним виднеется более светлый и легкий. Третий еще светлее, а последний, на горизонте, прозрачен и невесом, как воздух. И сходство это не случайно. Ведь горы рождаются в море.

Карпаты относятся к последнему поколению горных систем на Земле. Людям не довелось увидеть

лица - люди простые и приветливые. Не успели мы пожать друг другу руки, как дядько Иван, самый жадный до разговора, уже спрашивает, хитро щурясь:

- Чи правда, люди кажуть, що до нас з Румунии нафтова рика пид землею тече?

Пока я объясняю ему, что нефтяных рек нет, а есть природные хранилища — насыщенные нефтью пласти горных пород, Федор и дядько Иван согласно киваю, будто и не ожидали иного ответа. А рыйкий Петро, человек еще очень молодой и поэтому «бывалый», посматривает на них съясока, ловит мой взгляд: деревня, мол, что с них возьмешь. И мне становится почему-то радостно и хочется, в свою очередь, расспросить этих людей о близком им, домашнем. И, не успев выслушать ответы, я тоже часто-часто киваю, потому что уже не раз слышал однообразную повесть о бедной событиями, но всегда «вкусной» на слух сельской жизни. Через их Верхний Березов провозил меня Никитич утром. Многие хаты под красными черепичными крышами, широкооконные. Словно глазастые молодухи в ярких платках расселились на зеленом склоне.

Дядько Иван, видимо, не может без ложки дегтя - находит изъян в моем восторженном отзыве о селе. По его словам, земля как была каменистой, так и осталась, никакие спутники не помогли. И «нафту шукали», и золото — ничего не нашли. Поганая земля

- А чулы, як горы растуть? - вступает в разговор молчаливый Федор. И, заметив недоумение на моем лице, рассказывает: если в погожий летний день сойти в уроочище Рушор, можно услышать гул, идущий из земных глубин. Это растут и стонут от напряжения горы.

Как причудливо, тесно и безыскусственно переплетаются в этих людях обыденность и поэзия! Если человек живет в согласии с природой, он перенимает многие черты ее характера. Именно характера! Ведь природа разумна. В рисунке Карпатских гор - своеенравие и мятежность. Но видно и другое: кто-то невидимый обуздал слепые силы природы, остановил их на полпути, не дал вырваться из наружу. Действительно, горные вершины округлы, очертания хребтов плавны. Нигде не споткнется и не сорвается взгляд. Иногда вскрикнет рухнувшее дерево, раздастся каменный голос обвала - и опять тишина, слегка разбавленная сдержанным ропотом леса. Сверкающие короны вечных снегов не отягощают вершин. Карпаты горы, но не заносчивы. Карпаты благожелательны, лиричны. Им, если можно так сказать, присуще чувство меры. И всеми этими чертами наделен человек, в незапамятные времена заселивший горные долины. Представьте себе горцев, у которых никогда не было кровной мести, возведенной в закон.

Я расстаюсь с Лючкой, когда латунный круг солнца опускается смытым ребром на дальние горы. Марширут закончен. Западывает Никитич. Развести костер, что ли? Вдвоем с огнем веселее. Стремительно, как всегда бывает в горах, смеркается. Колючей искрой вспыхивает первая звезда, и вот уже обе Медведицы, наставленные на ось Полярной звезды, начинают медленное круговоротение.

Сердитый голос за спиной заставляет меня испуганно обернуться:

- Будете уходить, огонь затопчите!

Передо мной на флегматичной лошаденке молодая женщина в болоньевую куртку и с ружьем за спиной. У незнакомки широкое лицо, строгие глаза под сросшимися на переносице бровями.

- Лесничиха я, - добавляет она уже миролюбиво. - Увидела огонь - озабочилась, как бы лес не подпалили... А вы геолог? Ваши теперь тут часто бывают.

С этими словами она соскаивает на землю.

Когда на безлюдье встречаются двое, им всегда есть о чем поговорить. Мы сидим на замшелой лесине. Густые тени столпились вокруг костра на почтительном расстоянии. Ближе подойти не решаются. Олена

не спеша рассказывает, певуче тянет слова:

- Лес люблю, сколько себя помню. Батько хотел инженеркой меня сделать, да я не дала. Теперь лесстерегу. Трудно бывает, только как без трудностей?.. А скажите, - глаза ее по-детски округляются, - лес всегда будет или когда-нибудь веси известут? В одной книжке я читала, что через сто лет одни города будут стоять на голове Земле.

- Плохая фантастика, - успокаиваю я Олену. - Не может быть жизни без леса.

- Правда? Как бы хотелось жить всегда, чтобы все видеть и все знать!

- Ну, как сказать! Скучно, наверное, быть бессмертным. В это время вспыхнул неосторожный метеор, покатился вниз, оставил дымный след. Олена вздохнула:

- Не всегда, а долго-долго, пока не попадают все звезды. Зачем жить, если небо черное?.. Чуете? Сдается, за вами.

Действительно, издалека доносилось завывание автомобильного мотора. Газик брал крутой подъем. Через несколько минут яркий свет фар освещал проселок. Старательно затаптывая костер.

- Прощайте, - говорю Олене. - Может, и встретимся еще в вашем лесу.

А она уже в седле. Машет рукой. И через минуту на лесной тропе затихает топот копыт. Словно сказочная хозяйка каменного моря, Олена незаметно появилась и незаметно исчезла. Да и была ли она на самом деле? Или это только сон наяву, который так умеет навевать Карпатские горы в звездную летнюю ночь.

Вот и дописана последняя страница. Ночь. За окном ворочается, никак не может заснуть большой город. Чей-то смех. Визг трамвая на повороте. Иногда под порывом ветра вспретенутся старые каштаны, и я вспоминаю сосны на волнистых гребнях, и слышится мне голос Каменного моря.

1968 год. Покутские Карпаты

Воспоминание о Каменном море

Помню, вчера... нет, полвека назад: синие небо и горы; будто плы়েт поисковый отряд волнами древнего моря.

Именем Тетис, богини его, назван простор океана - общая родина царственных гор, мирных вершин и вулканов.

Крик, шевеление тверди земной, вызов всесильному Крону замерли в камне. Волна за волной, видно, устали от гона.

Но иногда в летний день, поутру, в сизых потоках тумана видел в Карпатах, как горы плывут - дивная фата моргана.

Помню ладони росистых долин, сосен восковые свечи, пышные стоги зелёных куртин, с конной лесничихой встречу.

По разнотравью пятнистой змейкой тропка вилась к перевалу; скальная падь ледяной водой жажду мою утоляла.

Недра земные на стук молотком мне отзывались лукаво:

- Слушай и думай, узнаешь потом; Гея - не шар для забавы; надобно тысячи вёрст исходить, без передышки и стона, чтобы заветные двери открыть, с благословеня Плутона.

Помню, когда у костра коротал ночь я под крышею звёздной. Тетис томила, в душе созревал образ – прекрасный и грозный.

Где твой приют, богородная дочь? Высох, исчез без возврата? «Каменным морем» назвал я в ту ночь первый рассказ о Карпатах.

Больше не свидимся. В чужdom kraju ныне любимые горы. Издалека я душою пою песню о Каменном море.

2018 год. Подмосковье